

«ДЕЛО» Я.М. ЗАХЕРА

Рассматриваются причины ареста в 1938 г. известного советского историка Якова Захера, характер выдвинутых против него обвинений и обстоятельства вынесения приговора. Приводится ряд неизвестных ранее фактов биографии ученого.

Ключевые слова:

Великая Французская революция, движение «бешеных», Я.М. Захер, Ленинградский университет, сталинские репрессии.

Имя советского историка Якова Михайловича Захера – автора капитальной монографии, посвященной движению «бешеных» в годы Великой Французской революции XVIII века, а также ряда других книг и статей (всего 102 работы) [6, с. 342], хорошо известно современным исследователям. Оставляя оценку научного значения трудов ученого специалистам по истории Франции [10], рассмотрим наиболее трагический период в жизни Я.М. Захера, связанный с его арестом и почти 15-летним заключением. Речь идет о так называемом «деле» Я.М. Захера 1938–1940 гг., ставшем, в свою очередь, частью более крупного «дела», сфабрикованного в это время чекистами – «Ленинградского меньшевистского центра». Его жертвами, помимо Я.М. Захера, оказался целый ряд крупных историков Ленинградского государственного университета (ЛГУ) и других высших учебных заведений Ленинграда.

Но сперва несколько слов о самом Я.М. Захере. Родился он 22 октября (3 ноября) 1893 г. в г. Миасс Троицкого уезда Оренбургской губернии (ныне Челябинской области), где его отец – Мендель Бейнусович (Михаил Вениаминович) Захер служил горным инженером. Мать – Ольга Григорьевна – домашняя хозяйка. В начале XX века семья Захеров переезжает в Петербург.

После окончания Тенишевского училища (1910 г.) и юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1915 г.) Я.М. Захер работал по специальности. Однако вскоре понял, что подлинное его призвание в ином, и 15 октября 1918 г. вновь оказался на студенческой скамье в Петроградском университете – на этот раз уже как студент исторического отделения историко-филологического факультета.

В это же время (1917–1918 гг.) Я.М. Захер входил в РСДРП(м) (Плехановская группа «Единство») и состоял в меньшевистской организации Литейного района. С 1919 по 1923 гг. – преподаватель Военно-политического училища им. Толмачева.

В университете Я.М. Захер работал в семинарах Н.И. Кареева и Е.В. Тарле, под руководством которых специализировался по новейшей истории стран Запада. Учился он прекрасно и после окончания (март 1920 г.) университета был оставлен (1921 г.) для подготовки к профессорскому званию. В 1922 г. Яков Михайлович становится научным сотрудником исторического научно-исследовательского института при Петроградском университете. Годом раньше выходит в свет первая научная работа Я.М. Захера – «Парижские секции 1790–1795 гг., их политическая роль и организация» [5].

С 1923 г. Я.М. Захер на преподавательской работе в Петроградском университете и ряде других учебных заведений. Ученое звание доцента было присвоено ему Наркомпросом 25 мая 1923 г., ученое звание профессора – постановлением подкомиссии вузов научно-политической секции ГУСА от 9 ноября 1926 г. [1, т. 6., л. 175].

Успеху научно-педагогической карьеры Я.М. Захера много способствовала его общественная деятельность как члена Общества историков-марксистов и Группы левой профессуры (1923 г.), кандидата (1923 г.), а затем и члена ВКП(б) (1925 г.).

Летом 1927 г. Яков Михайлович получил по ходатайству университета командировку в Париж для научной работы в тамошних архивах и библиотеках. Итогом этих разысканий стала вышедшая в 1930 г. его книга «Бешеные» [3], посвященная крайне левым течениям в годы Великой Французской революции – лучшая и наиболее значительная из всего напечатанного им в эти годы. Однако рассчитывать на объективную оценку своего труда Я.М. Захер уже не мог, и был обвинен в том, что «охват темы» у него якобы «определен из вторых рук» и пр. [11].

Что же произошло? Первые сведения о случившемся просочились в печать еще в начале октября 1929 г., когда в ленинградских газетах под броскими заголовка-

ми «Лицо шкурника, карьериста и ренегата Захера» [8, с. 1], «Ученый-дезертир» [7, с. 3] появились разоблачительные статьи, направленные против ученого. Относятся к этим публикациям следует осторожно и для уяснения сути произошедшего лучше всего обратиться к свидетельствам как одного из тогдашних близких друзей Я.М. Захера профессора А.И. Молока, так и самого Якова Михайловича.

«Захеру, – заявил, в частности, А.И. Молок, в своих свидетельских показаниях от 16 декабря 1939 г., – было поручено парткомом ЛГУ сделать критический доклад о книге академика Тарле “Европа в эпоху империализма”. Захеру очень не хотелось выступать против Тарле и вместе с тем, он боялся отказаться от партийного поручения. Захер должен был выступить с критическим докладом против Тарле и одновременно, не желая портить отношения с ним, он просил меня предупредить Тарле, что он это делает против своего желания, но принужден партийной организацией. Я об этом заявлении сообщил партийной организации ЛОКА и некоторое время спустя Захер был исключен из партии» [1, т. 6, л. 89]. Другими словами А.И. Молок просто взял и «заложил» своего приятеля. Таковы были нравы в среде новоявленных историков-марксистов.

Свидетельство А.И. Молока существенно дополняют показания самого Якова Михайловича. «В середине 1928 г., – показывал он на допросе 8 октября 1938 г., – началась кампания против профессора Тарле Е.В., в связи с выходом из печати его книги “Европа в эпоху империализма”. В это время партийная организация Ленгосуниверситета поручила мне выступить с критикой против данной книги, что я и сделал. При этом я смалодушничал, поддался чувству благодарности Тарле, так как он был мой учитель и очень много дал мне в науке. После выступления с докладом я попросил доцента Молока А.И. (ныне профессор) сообщить профессору Тарле, что я лично против него ничего не имею, а выступал лишь потому, что меня к этому вынуждает партийная организация. Профессор Молок не сообщил об этом Тарле, а сообщил в партийную организацию. Узнав об этом, я сразу же подал заявление о выходе из членов ВКП(б). В это время проходила чистка партии и меня исключили из рядов ВКП(б) как двурушника, что сделали совершенно правильно» [1, т. 6, л. 187].

30 ноября 1929 г. решением комиссии по проверке членов и кандидатов ВКП(б) ячейки историко-филологического фа-

культета ЛГУ Я.М. Захер был исключен из партийных рядов как «выходец из чуждой социальной среды» и человек проявивший во время пребывания в партии «полную политическую неустойчивость» [1, т. 6, л. 105].

Двусмысленное положение, в котором оказался вследствие этого Я.М. Захер, могло бы поправить его выступление против Е.В. Тарле на Объединенном заседании Института истории при ЛОКА и Ленинградского отделения общества историков-марксистов, которое как раз и было посвящено разоблачению только что арестованных академиков Е.В. Тарле и С.Ф. Платонова. Но Яков Михайлович счел благоразумным промолчать и только откровенные угрозы со стороны одного из тогдашних руководителей марксистского «исторического фронта» в Ленинграде директора Института истории Г.С. Зайделя [2, с. 222] заставили его поступиться принципами.

Речь идет о «покаянном» письме ученого, опубликованном в материалах заседания, в котором он вынужден был охарактеризовать Е.В. Тарле как «злейшего противника советской власти», «сознательного антимарксиста, сумевшего однако ловко скрывать свой антимарксизм под маской марксистской фразеологии» и, наконец, «вредителя и участника контрреволюционной монархической организации» [2, с. 225].

«Своим» в кругу историков-марксистов Яков Михайлович после этого, конечно же, не стал. Но место профессора в пединституте сохранил. Не обошли стороной Я.М. Захера и при формировании личного состава кафедры новой истории только что (1934 г.) образованного исторического факультета ЛГУ, в котором он получил место профессора-почасовика.

Беспартийность и некоторая отстраненность Я.М. Захера от тогдашних историков-партийцев привела к тому, что волна репрессий, обрушившихся на них после убийства 1 декабря 1934 г. С.М. Кирова, прошла мимо него стороной. Однако от судьбы, как говорится, не уйдешь. В условиях тотальной зачистки общества от всех сколько-нибудь ненадежных его элементов в 1937–1938 гг. дошла очередь, как до бывшего меньшевика, и до Я.М. Захера.

Арестовали его в ночь с 7 на 8 октября 1938 г. на его квартире по Моховой улице, дом 28, кв. 19а. Арест производили сотрудники Управления Госбезопасности Васильев и Тимофеев. При обыске у Якова Михайловича были изъяты две тетрадки-

дневника [1, т. 5, л. 179]. К моменту ареста на попечении историка находились его отец М.В. Захер 76 лет, мать О.Г. Захер 64 лет, и двое детей: сын Юрий 11 лет и дочь Наталья 7 лет. Жена Анна Моисеевна Захер (Блюм) 42 лет работала врачом райздравотдела Смольнинского района [1, т. 5, л. 177].

Всего по этому так называемому «групповому делу» за № 42085 в 6 томах проходило 12 человек. Однако перед судом Военного трибунала ЛВО 19 сентября 1939 г. из них, кроме Я.М. Захера предстало только 6 человек, причем все историки – профессора и доценты ленинградских вузов: А.Н. Шебунин, С.И. Ковалев, М.Н. Мартынов, С.В. Вознесенский, Н.Н. Андреев и А.М. Розенберг. В научном плане наиболее значительными среди них были, несомненно, фигуры С.В. Вознесенского (русская история), А.М. Розенберга (Средние века) и С.И. Ковалева (древняя история).

Обвинение, предъявленное Я.М. Захеру и его коллегам, не отличалось оригинальностью – участие в антисоветской меньшевистской организации, руководимой неким Ленинградским меньшевистским центром [1, т. 6, л. 175].

Как показывал впоследствии (1956 г.) сам Яков Михайлович, арестовали его по показаниям ранее арестованных профессоров С.И. Ковалева и Н.Н. Розенталя*, «которые в результате применения к ним незаконных методов следствия» дали ложные показания, будто бы он вместе с ними состоял, начиная с 1933 г., в антисоветской меньшевистской организации.

«В действительности, – заявил Яков Михайлович, – я был членом РСДРП(м) только в 1917 г., а начиная с весны 1918 г. никакого отношения к меньшевикам не имел. Однако в результате применения ко мне незаконных методов следствия, я, также как Ковалев и Розенталь, был вынужден признать себя виновным в участии контрреволюционной организации, которой в действительности не существовало» [1, т. 6, л. 268].

«До конца 1933 г. Щеголев, – показывал Я.М. Захер 8 декабря 1938 г., – информировал меня о существовании меньшевистской организации, ориентирующей на интервенцию и ставящей своей целью свержение советской власти и восстановление буржуазно-демократической республики, не только силами меньшевистской организации, а при помощи интервенции. Я счел,

что это обеспечит нам успех, и дал Щеголеву согласие войти в эту организацию» [1, т. 6, л. 189–190].

«В. (Вопрос). Кто такой Щеголев?»

О. (Ответ). Щеголев Павел Павлович – сын известного историка и литературоведа народнического направления. В период учебы 1921–1922 г. в Петроградском университете, вступил в меньшевистскую организацию <...>. Щеголев информировал меня, что руководящую роль в меньшевистской организации занимают Ковалев и Вознесенский» [1, т. 6, л. 190].

Особенно убийственным следует признать вырванное у Я.М. Захера следователем «признание», что наряду с другим «участником» организации профессором С.И. Ковалевым он был якобы осведомлен о директиве некоей «Заграничной организации меньшевиков» о необходимости перехода своих сторонников к «террористическим методам борьбы против руководителей ВКП(б) и советского правительства» [1, т. 6, л. 176]. Это грозило Я.М. Захеру и его однодельцам верным расстрелом.

Так бы оно, наверное, и произошло, если бы не снятие Н.И. Ежова с должности наркома внутренних дел СССР в ноябре 1938 г. и последовавшие вслед за этим аресты среди его подручных, обвиненных новым руководителем НКВД Л.П. Берия в нарушениях социалистической законности. Под эту «чистку» попал и ряд высокопоставленных ленинградских чекистов: первый заместитель начальника Ленинградского управления НКВД Н.Е. Шапиро-Дайховский, заместитель начальника управления А.М. Хатаневер, начальник секретно-политического отдела, секретарь парткома К.Б. Гейман, начальник дорожно-транспортного отдела управления М.И. Брозголь и др.

12 ноября 1938 г. покончил жизнь самоубийством сам начальник управления комиссар госбезопасности 3-го ранга М.И. Литвин: «После дневного телефонного разговора с Ежовым Литвин вечером должен был выехать в Москву. За час до отхода поезда застрелился у себя на квартире» [9, с. 273].

Не воспользоваться этим Я.М. Захеру и его товарищам было бы грешно. Когда дело дошло, наконец, 19 сентября 1939 г. до суда Военного трибунала ЛВО, все подсудимые дружно отказались от своих показаний, указав на пытки, издевательства и истязания, которым они подвергались в ходе так называемого следствия. «Следователь Дроздецкий меня подвергал истязаниям, – заявил на судебном заседании

* Дело профессора Н.Н. Розенталя было выделено в отдельное производство и перед судом он не предстал.

44 | проф. С.В. Вознесенский, – и я решил подчиниться требованиям следствия, лишь бы дотянуть до суда» [1, т. 6, л. 486]. Не стал скрывать факта своего избития следователем Адриановым и Я.М. Захер [1, т. 6, л. 268].

Благоприятными в целом для подсудимых оказались и собранные в ходе предварительного и судебного следствия свидетельские показания их непосредственного начальства и сослуживцев. «Все вызванные по делу свидетели либо вообще ничего не могли сказать, либо говорили в нашу пользу», с удовлетворением отмечал в связи с этим Яков Михайлович [1, т. 6, л. 268]. Исключением в этом плане можно признать, пожалуй, лишь показания доцента кафедры новой истории АГУ М.М. Малкина (допрос 2 февраля 1939 г.), обвинившего Я.М. Захера в «троцкистской пропаганде» и в изложении им на практических занятиях со студентами сущности якобинской диктатуры с троцкистских позиций [1, т. 4, л. 154].

С другой стороны, защищавшие обвиняемых члены коллегии защитников Успенский, Сегал и Зимин, сумели убедительно показать беспочвенность и надуманность выдвинутых против их подзащитных обвинений. «В своих показаниях на предварительном следствии, – заявил в частности Успенский, – обвиняемые по делу показывали на Магазинера как на главу Ленинградского меньшевистского центра. А, насколько мне известно, Магазинер из-под стражи освобожден и дело о нем прекращено. Отсюда ясно, какова ценность показаний обвиняемых по данному делу на предварительном следствии» [1, т. 5, л. 483]. В результате в своем определении членам трибунала не оставалось ничего другого, как вернуть дело в военную прокуратуру ЛВО на доследование. Меру же пресечения в отношении всех обвиняемых оставить прежней [1, т. 5, л. 541].

Во время этого доследования уже в январе 1940 г. С.И. Ковалев, М.Н. Мартынов, Н.Н. Андреев и В.М. Розенберг были освобождены и дела их прекращены. Однако с Я.М. Захером и А.Н. Шебуниным (С.В. Вознесенский, не дождавшись суда, умер летом 1940 г. в тюрьме) как с «в прошлом активными меньшевиками» и, следовательно, для существующей власти людьми «социально опасными» (формулировка обвинительного заключения) [1, т. 5, л. 235], решено было поступить иначе, передав их дела на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР. Состоялось оно 19 октября 1940 г., и вердикт его был таков: и тот, и

другой были приговорены к 8 годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ).

В связи с жалобой Я.М. Захера на необоснованность приговора дело его было передано на окончательное рассмотрение помощника начальника следственной части управления НКВД ЛВО лейтенанта госбезопасности Добромысловского. Заключение его было следующим: «хотя следствию и не удалось доказать принадлежность Шебунина и Захера к меньшевистскому центру, однако из материала следствия явствует, что Шебунин А.Н. и Захер Я.М. на протяжении длительного времени вели активную контрреволюционную деятельность, что Шебунин и Захер являются кадровыми меньшевиками, и что, в силу этого и по своим связям, являются людьми социально опасными, а поэтому полагал бы: решение Особого совещания при НКВД от 19 октября 1940 г. (протокол № 13) в отношении Шебунина А.Н. и Захера Я.М. оставить в силе [1, т. 5, л. 247].

Срок свой Я.М. Захер отбывал в лагерях для политзаключенных Богучаны и Песчаный в Красноярском крае, причем клеймо социально опасного продолжало отравлять ему жизнь и здесь. Во всяком случае, после того, как со ссылкой на его якобы антисоветскую агитацию в лагере и меньшевистское прошлое Якова Михайловича, Красноярский краевой суд 4 февраля 1943 г. «припаял» ему еще 5 лет ИТЛ, стало ясно, что отпускать его на волю после истечения срока заключения власть не собирается.

И действительно, еще до окончания срока, 10 июля 1948 г., состоялось заседание центральной комиссии МВД, МГБ и прокуратуры СССР по отбору заключенных, признанных особо опасными государственными преступниками и подлежащих на этом основании переводу в особые лагеря и особые тюрьмы МВД. «Высокой», прямо надо сказать, чести быть отнесенным к числу именно такого рода «преступников» удостоился и Я.М. Захер [1, т. 6, л. 543]. А в мае 1951 г. директивой МГБ и прокуратуры СССР он был определен на бессрочную ссылку все в том же Красноярском крае. Так бы, наверное, и сгинул здесь Яков Михайлович, если бы не смерть И.В. Сталина в марте 1953 г. и произошедшие в связи с этим перемены в стране.

Инициировала освобождение Я.М. Захера его престарелая мать, Ольга Григорьевна, обратившаяся в феврале 1953 г. с соответствующим ходатайством к депутату Верховного Совета СССР академику

Д.В. Скобелцину. Делу, в силу изменившейся ситуации, был дан ход и уже 11 июля 1953 г. в соответствии с постановлением МВД СССР Яков Михайлович оказался на свободе. Поселился он в городе Петрозаводске у сына Юрия – врача городской больницы, при помощи которого устроился на работу заведующим кабинета учета и медицинской статистики [1, т. 6, л. 264].

Отсюда из Петрозаводска Я.М. Захер начинает в 1954 г. нелегкую борьбу за реабилитацию и пересмотр своего дела, борьбу, увенчавшуюся, в конце концов, успехом, что позволило ему уже осенью 1956 г. вернуться к преподавательской работе на истфаке Ленинградского университета.

Здесь им был объявлен спецкурс о движении «бешеных» и спецсеминар по этой проблеме. Записалось на него всего несколько студентов. Впечатление на них Я.М. Захер произвел вполне благоприятное, хотя по воспоминаниям А.В. Гордона и выглядел несколько скованным и в пря-

мом и переносном смысле. «Тяжело двигался, видимо из-за веса. Толстым он, однако, не казался. Поворачивался он всем корпусом. Поразили две черты: взгляд и голос».

Что касается взгляда, «пронзительного и завораживающего», то он по его отзыву, хотя и был «суровым, но не жестким, а скорее добрым, грустным, но не скорбным». Еще более поразил студента голос Я.М. Захера. «У этого несколько дряхлого человека, – отмечал А.В. Гордон, – он оказался мощным и динамичным. Речь была не богата оттенками, но была удивительно точной. О правильности не говорю – очень чистая русская речь <...> Старец оказался буквально насыщен неистребимой энергией» [6, с. 341].

Главной заботой Я.М. Захера, помимо преподавания, стала подготовка нового издания своего труда по истории движения «бешеных» [4] и сборника документов на эту тему. Умер он 14 марта 1963 г. и похоронен в Петергофе [6].

Список литературы:

- [1] Архив ФСБ Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. – № П-19801 (Дело по обвинению Шебунина А.Н. и других). – В 6 т.
- [2] Зайдель Г.С., Цвибак М.М. Классовый враг на историческом фронте // Доклады Г. Зайделя и М. Цвибака о Тарле и Платонове и их школах и прения на объединённом заседании Института истории при ЛОКА и Ленинградского отделения Общества историков-марксистов. – М.–Л.: Огиз – Гос. соц. экон. изд., 1931. – 232 с.
- [3] Захер Я.М. «Бешеные». Крайне левые французские демократии 1792–1794 гг. – Л.: гос. тип. им. Евг. Соколовой, 1930. – 241 с.
- [4] Захер Я.М. Движение «бешеных». – М.: Соцэкгиз, 1961. – 223 с.
- [5] Захер Я.М. Парижские секции 1790–1795 гг. Их политическая роль и организация. – Пг.: Госиздат, 1921. – 64 с.
- [6] Золотарев В.П. Яков Михайлович Захер (1893–1963 г.) // Портреты историков. Время и судьбы. В 2 т. / Акад. исслед. культуры. – М.: Унив. кн.; Иерусалим: Gesharim, 2000. – Т. 2. Всеобщая история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов и др. – М., 2000. – 463 с. – С. 334–345.
- [7] Катерли Е. Ученый-дезертир // Ленинградская правда. – 1929, 12 октября.
- [8] Ник-й. Лицо шкурника, карьериста и ренегата Захера // Студенческая правда. – 1929, 8 октября. – № 15(341).
- [9] Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник / Под ред. Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского. – М.: Звенья, 1999. – 502 с.
- [10] Ревуненков В.Г. Я.М. Захер и историография «бешенных» // Вестник ЛГУ. Сер. История, литературоведение, языкознание. – 1969. – Вып. 2. – С. 146–151.
- [11] С-й [рец.] Захер Я.М. «Бешенные». Л., 1930. 241 с. // Историк-марксист. – М., 1930. – № 18–19. – С. 205–208.